

Филологические науки
Philological sciences

УДК 821.161.2+398.91
ББК 83.3+85.313(4Укр)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. О. Н. Гуменюк

г. Симферополь, Республика Крым, Россия

**ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА
УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕСНИ**

Аннотация: В жанровом многообразии украинского песенного фольклора эмигрантской песне принадлежит особое место. Активно развиваясь с конца XIX в. до сегодняшнего дня, она продолжает традиции народной социально-бытовой лирики предшествующих эпох и в то же время открыта динамичным реалиям новейшего времени. Как относительно новое явление, эмигрантская песня меньше изучена по сравнению с иными разновидностями песенного фольклора. В статье делается попытка подытожить соответствующие наблюдения предыдущих исследователей и определить жанрово-стилевую специфику украинской народной эмигрантской песни. Народная эмигрантская песня является прежде всего своеобразной разновидностью фольклорной социально-бытовой лирики, при этом весьма близкой к исторической песне. В ее основе — глубокие переживания людей, поставленных волей немилосердной судьбы в экстремальные жизненные условия. В стилиевой структуре эмигрантской песни доминантной предстает эмоциональная интенсивность. Здесь играют существенную роль эпические, а также драматические аспекты (фабульность, панорамность, конфликтность). Образцы эмигрантской песенной лирики часто можно объединить в отдельные тематические циклы, в разных аспектах отображающие сложные перипетии судьбы тех, кто вынужден расстаться с родным домом и близкими людьми. Лирическая проникновенность, эмоциональная насыщенность, медитативная рефлексивность и эпическая возвышенность эмигрантских песен часто приобретают религиозную окраску. Крайняя, часто натуралистически означенная бытовая конкретика, документальность, присущая эмигрантской песне (в частности, четкие образные детали, широкое фигурирование топонимов, диалектных слов и выражений), гармонично согласовываются с традиционными поэтическими средствами, такими как психологический параллелизм, красочная метафоричность, емкая символика.
Ключевые слова: украинский фольклор, эмигрантская песня, поэтика, жанрово-стилевая специфика.

Информация об авторе: Ольга Николаевна Гуменюк — доктор филологических наук, профессор, Крымский инженерно-педагогический университет, пер. Учебный, д. 8, 295015 г. Симферополь, Республика Крым, Россия. E-mail: uakafedra@mail.ru

Дата поступления статьи: 05.11.2018

Дата публикации: 28.09.2019

Для цитирования: Гуменюк О. Н. Жанрово-стилевая специфика украинской народной эмигрантской песни // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 115–123.

В наше время усиливается внимание к традиционной народной культуре, ее роли в преодолении связанного с процессами глобализации нивелирования многообразия проявлений социальной жизни, своеобразия национальных культур. Связанные с социальными катаклизмами миграционные процессы последних лет, существенно драматизирующие реалии современного бытия, убеждают в актуальности изучения и освоения опыта, аккумулированного в достижениях традиционной народной культуры, в частности, ее духовной сферы, охватывающей такое явление, как устно-поэтическое творчество. Усилия, направленные на его сбережение, популяризацию и исследование, ведут к плодотворному взаимодействию, гармонизации ментально различных национальных культур и связанных с ними социальных отношений.

В жанровом многообразии украинского песенного фольклора эмигрантской песни принадлежит особое место. Активно развиваясь с последних десятилетий XIX в. доньше, она продолжает традиции народной социально-бытовой лирики предшествующих эпох и в то же время открыта динамичным реалиям новейшего времени. Эмигрантская песня меньше изучена по сравнению с иными разновидностями песенного фольклора, в частности в аспекте ее жанрово-стилевых особенностей, дискуссионными остаются связанные с ней терминологические дефиниции. В предлагаемой публикации, опираясь на опыт предыдущих исследователей, автор стремится в определенной степени восполнить существующий пробел.

Исследователи преимущественно относят народные эмигрантские песни к социально-бытовой фольклорной лирике. Например, по определению Евгения Луньо, это «отдельная группа жанра социально-бытовых песен, возникшая в эмигрантской среде и ведущими мотивами выражающая мысли, настроения и переживания этой среды» [12, с. 93]. Ввиду преимущественно экономического характера ранней украинской эмиграции эти песни, как отмечают исследователи, «длительное время считались трудовыми» [11, с. 370]. Немало общих мотивов (переживания жизненных невзгод, горечь разлуки с родными людьми и отчим домом, вынужденное морское путешествие) объединяют эмигрантские песни с иными циклами социально-бытовой лирики, в частности с песнями казацкими, чумацкими, бурлацкими, солдатскими.

В своей работе «Украинский фольклор» рассматривает эмигрантские песни как образцы прежде всего социально-бытовой лирики и Ирина Руснак [14, с. 240]. Она вспоминает о них и в подразделе «Исторические песни», в традиционной классификации (и в работе исследовательницы) причисляющиеся преимущественно к поэтическому эпосу. Ведя речь об исторических песнях XV–XVIII вв., И. Руснак добавляет: «Исторические песни всегда сопровождали жизнь народа, поэтому рождались и в дальнейшие времена. Так, отдельные события XX в. отражены в произведениях об эмиграции украинцев в Америку и Канаду» [14, с. 125]. Это упоминание весьма симптоматично, ведь эмигрантские песни во многих своих аспектах близки к историческим, исторические реалии играют существенную роль в их художественной структуре. Можно говорить об определенном созвучии с эмигрантскими песнями отдельных украинских народных исторических песен, к примеру, повествующих о разрушении в конце XVIII столетия Запорожской Сечи и переселении украинцев на другие земли. Немало запорожцев переселялись в придунайскую местность Добруджу, что отображено также в знаменитой

опере Семена Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем» (1863). О таком созвучии идет речь, в частности, в статье Лидии Козар «Фольклорная основа историко-этнографических трудов Ф. Вовка о Задунайской Сечи» [10, с. 77–100].

Об особом историзме украинской эмигрантской народной поэзии говорит София Грица, подчеркивая, что ее образцы «выбиваются из “мифологического” стиля фольклора, склонного объединять множество событий, обобщать их определенной типичной ситуацией». «Эмиграция, — добавляет исследовательница, — событие отнюдь не типичное для украинского труженика, поэтому не удивительно, что и творчество, с ней связанное, содержит много новаций в сюжетах, в лексике» [6, с. 1]. С. Й. Грица обращает внимание на широкий жанрово-стилевой диапазон эмигрантской поэзии, репрезентирующей основные стилевые пласты традиционной украинской песни. Она ведет речь об «эпике в виде масштабных повествований новеллистического характера; рефлексивной лирике, тяготеющей к традиционной напевности; юмористическо-сатирических попевках на темы эмигрантской жизни». Притом исследовательница подчеркивает: «Шире всего представлен второй пласт» [6, с. 9].

Несмотря на отдельные образцы собственно эпического характера (и тогда эти образцы преимущественно уже не называют песнями), эмигрантские песни — это прежде всего жанровая разновидность социально-бытовой лирики, в которой особо выразителен исторический аспект. В основе этих песен — глубокие переживания людей, поставленных волею немилосердной судьбы-доли в экстремальные условия. Поэтому эмоциональная насыщенность как существенный признак лирики является их неотъемлемой чертой. Ведя речь о драматизме как о стилевой черте эмигрантских песен, Роман Кырчив отмечает присущую им лирическую рефлексивность, пронизанную преимущественно грустной тональностью [8, с. 196]. «Поэтика эмигрантских песен, — вполне справедливо отмечает Е. Луньо, — обозначена мощной лирической струей минорного характера, ее средства и приемы реалистично отображают глубоко интимные переживания лирического героя» [12, с. 94].

Существенной чертой эмигрантских песен, непосредственно связанной с отмеченным историзмом, является присущая их жанрово-стилевой структуре эпичность, на что обращает пристальное внимание уже один из первых их исследователей Филарет Колесса: «Эти песни слагаются в широкий цикл, настоящую эпопею, с разных сторон рисуящую долю эмигрантов, на наших глазах создается новая песенная» [9, с. 42]. Похожую мысль относительно эмигрантских песен высказывает и Владимир Гнатюк: «Записав эти песни, я был уверен, что они только первые вестники целого нового цикла. И я не ошибся в этой уверенности» [4, с. 78]. Цитируя соответствующие работы С. Грицы, акцентируя внимание на ее особом вкладе в дело изучения украинских народных эмигрантских песен, Олена Гинда обращает внимание на глубокое осмысление исследовательницей присущей им эпической панорамности: «София Грица неоднократно отмечала, что в эмигрантских песнях отобразились важнейшие вехи эмиграции, психология ее участников, и акцентировала внимание на том, что эмигрантская песенность представляет собой стройный тематический цикл». В таком цикле воссоздаются все этапы эмиграции: прощание с родным краем, опасный далекий путь через океан, встреча с чужбиной, тяжкие испытания, счастливый или трагический финал далеких странствий. С. Грица аргументировано утверждала, что ни одна из групп украинских песен (о заработках, чумацком промысле, рыбачестве и др.) не дает такой широкой ситуативной панорамы. Она номинировала эмигрантские песни «драматической эпопеей об искателях миражного земного рая, исполненной надежд, тревог, счастливых неочи-

данностей либо разочарований». Отмечая их публицистичность и «хроникерский характер», С. Грица резонно квалифицировала такие черты как «движущую силу» новых, необычных для традиционного фольклора сюжетов, образов, событий [3, с. 103].

Именно эпические черты эмигрантских песен дали возможность С. Грице применить при их классификации сюжетно-мотивный подход и выделить сюжетные мотивы, один из которых если не становится самодостаточным, то по крайней мере доминирует в той или иной выделенной подгруппе. Это, в частности, такие сюжетные мотивы, как «настроения, раздумья, связанные с идеей выезда из родного края»; «странствие на чужбину, тревога в пути, переправа через море, океан»; «сложные обстоятельства жизни в процессе освоения новых земель»; «драматические переживания разлученных семей» [5, с. 14]. Подобные сюжетные мотивы выразительны в эмигрантских песнях, они крайне важны для их классификации, хотя, конечно, нельзя отрицать здесь и иных критериев. На важность многокритериальности при классификации фольклора, в том числе и лирического, указывал Владимир Пропп [15].

Лирическая проникновенность, эмоциональная насыщенность эмигрантских фольклорных произведений не раз сочетается с элементами повествовательности, фабульности. Встречаемся здесь с определенной панорамностью в воссоздании социально-бытовых явлений, возвышенным ощущением необычности переломных моментов в человеческой жизни. Все же эпичность предстает здесь преимущественно как стилевая черта, оттеняющая и подчеркивающая ведущую в этих произведениях лирическую стихию. Эпичность здесь, как правило, не приобретает родового определения. В таком случае приходится вести речь не об эпосе либо лиро-эпосе, а об определенном своеобразии лирического жанра, его стилевой специфике. Таким образом, можем говорить о родовом синкретизме как о существенном признаке эмигрантского фольклора.

Фольклор значительно ближе, чем профессиональное художественное творчество, к мифологическому синкретизму, который можно трактовать, в частности, как изначальное единство в архаичном мироощущении предвосхищения определенных аспектов более поздней духовной культуры. На это обращает внимание Александр Веселовский, отмечая, что «в поэзии обряда, вообще наиболее древнем показателе поэтического развития, соединены в наивном синкретизме все роды поэзии, насколько они определяются внешними признаками формы: и драма в действии, и диалог хора, и эпическое повествование, и лирическая песня; более того: все это в сочетании с музыкой, длительное время сопровождающей продукцию той или иной поэтической формы, которая последовательно будет выделяться из обрядовой поэзии: петь будут и эпос, и лирику, и в драме будет присутствовать музыкальный элемент» [2, с. 53]. Уже в этих словах можно увидеть акцент на том, что синкретизм, очевидно, уже не «наивный», т. е. отличающийся от присущего древней обрядовой поэзии, выразителен и в народном творчестве более позднего времени. Поэтому, думается, небезосновательно современный исследователь Михайло Чернопиский отмечает: «Связывать термин *синкретизм* только с первичным этапом развития этнокультуры или считать, что с развитием разных видов искусства синкретизм “исторически погас” и вместо него следует употреблять понятия “синтетизм”, “синтетическое искусство”, означает перечить самой природе фольклора. Ведь фольклор всегда был, есть и будет динамичным, постоянно обновляющимся проявлением не отдельных видов искусства, а устного исполнительского творчества, в органическом единстве с душевным состоянием, сознанием, эстетическими предпочтениями его носителей. Песня была, есть и будет только в пении, обрядовая словесность — только в живом обряде, сказка — в повествовании, танце-

вальное, игровое творчество — только в действии» [16, с. 352]. М. Чернопиский также справедливо отмечает: «Поиски соответствующей терминологии для определения синкретической природы фольклора свидетельствует о его феноменальности, которую сложно помещать в однозначные дефиниции» [16, с. 352]. Думается, правомерно для уточнения дефиниций использовать такие термины, как *видовой синкретизм* и *родовой синкретизм*. Явления, стоящие за этими терминами, т. е. апелляция определенного вида искусства к изобразительным средствам иных искусств и определенного литературного рода к жанрово-стилевым признакам иных родов, не случайно весьма ощутимо заявила о себе в эпоху романтизма, когда собственно и возникла фольклористика как наука. И эти явления в значительной степени связаны с присущей эпохе романтизма, а позже и модернизма, актуализацией мифологических и фольклорных традиций в художественном дискурсе нового времени. Следует лишь подчеркнуть, что речь идет не о раннем «примитивном» синкретизме, а о сочетании ощутимо явленных соответствующих черт, приобретающих стилевые функции в рамках преимущественно четко определившихся дифференцированных жанрово-родовых структур. Собственно о таком фольклорном синкретизме, отличном от мифологического, говорит в своей работе «О народной поэзии славянских племен» Осип Бодянский: «В собственном, строгом понимании нет чистой, без примесей, самостоятельной ни эпики, ни лирики, ни драмы, а говоря о них отдельно, всегда имеется в виду преимущество той или иной над остальными» [1, с. 70]. Прежде чем с особой выразительностью заявить о себе в письменной литературе эпохи романтизма, это явление должно было оформиться в фольклоре, тем более оно характерно для фольклора XIX в.

В украинской народной эмигрантской песне, что вполне естественно, непосредственно проявляется видовой синкретизм (притом следует отметить, что своеобразной музыкальностью характеризуются не только ее музыкальные, но и словесные тексты), а также выразительно определяется родовой синкретизм, причем как в лирике, так и в эпике. Это довольно примечательная стилевая черта, объединяющая эмигрантский песенный фольклор как сравнительно новое явление, с жанровыми разновидностями национального фольклора предыдущих эпох.

Эмоциональная интенсивность, медитативность и эпическая возвышенность эмигрантских песен часто приобретают религиозную окраску. Экстремальные жизненные обстоятельства, выхватывающие субъект лирического повествования из традиционного жизненного уклада, обуславливают острое ощущение драматизма бытия, побуждают задуматься над законами мироздания и апеллировать к высшим силам в надежде на возобновление утраченной гармонии. «Практически во всех песнях о выезде, — отмечает Оксана Луцко, — встречаются образы Бога и святых, что подтверждает тесную связь с религией, важность веры в жизни» [13, с. 441]. Религиозные мотивы часто встречаются в художественной структуре эмигрантской песни, в некоторых фольклорных произведениях они приобретают особую выразительность.

С вышеупомянутым историзмом связана еще одна существенная черта эмигрантских песен — их предельная жизненная достоверность и конкретика, проявлением которой предстают, в частности, четкие социально-бытовые реалии, красноречивые подробности, фигурирующие в текстах (например, корабль, везущий обездоленных странников через океан). В этом аспекте примечательны также диалектные особенности песенной речи, характерно частое употребление топонимов. С. Й. Грица детально рассматривает лексические и фонетические особенности отдельных групп украинских эмигрантских песен, в которых выразительны гуцульские, бойковские и лемковские

диалекты. Она обращает внимание на появление в этих песнях специфических заимствованных слов, связанных с новыми условиями труда (*гавз, бос, шифа, фарма*), на существенную роль многочисленных топонимов в художественной структуре соответствующих фольклорных произведений [6, с. 10–11]. «Чрезвычайную точность и документальность», присущую эмигрантской песне, отмечает и О. Луцко [13, с. 443].

Поскольку эмигрантский фольклор изучен меньше, чем много иных сфер народного творчества, достаточно дискуссионными еще остаются связанные с ним вопросы терминологии. Так, О. Луцко полагает, что само название песен «эмигрантские» может восприниматься по крайней мере в двух значениях: «В широком смысле эмигрантские песни — это все песни, созданные эмигрантами, то есть весь песенный фольклор украинцев за пределами исторической Родины. В более узком значении это группа песен, созданная для того, чтобы выразить такое новое социальное явление в жизни украинца, как эмиграция» [13, с. 439]. Для более широкого значения, о котором говорит исследовательница, может употребляться относительно соответствующих песен и иногда употребляется термин «иммигрантские», что видно уже из названия сборника Т. Федика «Пісні імігрантів про Старий і Новий Край» (1927), на который ссылается О. Луцко на этой же странице. Очевидно, здесь не стоит слишком усложнять терминологию, лишая ее желательной однозначности. Для этого широкого понимания применяется такое уже устоявшееся понятие, как «культура (в частности литература) украинской диаспоры» или «украинского зарубежья». Это понятие и соответствующая терминология с таким же успехом может относиться и к фольклору. А термин «эмигрантский» относительно него лучше оставить только в более узком значении, связанном со свежим ощущением разлуки с родной землей. Также, наверное, сегодня уже не совсем резонно называть эмиграцию новым социальным явлением.

Выводы. Исследователи обращают внимание на широкий жанрово-стилевой диапазон украинской эмигрантской народной поэзии, представляющей различные пласты традиционного фольклорного творчества, но главным образом это тематически и интонационно богатая лирика. Именно лирические песни наиболее распространены в эмигрантском фольклоре.

Немало общих мотивов, в частности, таких как переживание жизненных невзгод, горечь разлуки с родными людьми и отчим домом, вынужденные тревожные странствия, объединяют эмигрантские песни с иными циклами социально-бытовой лирики. Вместе с тем эмигрантские песни во многих аспектах близки к песням историческим. Исторические реалии играют весьма существенную роль в их художественной структуре. Следовательно, эмигрантские песни — это прежде всего жанровая разновидность социально-бытовой лирики, в которой особо выразителен исторический аспект.

В основе этих песен — глубокие переживания людей, поставленных волею немилосердной судьбы в экстремальные условия. Эмигрантским песням присущ особый драматизм, часто приобретающий трогательную, психологически проникновенную окраску. Характерны для них рефлексии, раздумья, медитации. Притом эмоциональная насыщенность, в особой мере присущая лирике, становится их наиболее явственным признаком. Поэтика эмигрантских песен отмечена мощным лиризмом преимущественно минорного характера.

Существенной чертой эмигрантских песен, непосредственно связанной с отмеченным историзмом, является присущая их жанрово-стилевой структуре эпичность. Эти песни часто можно объединить в отдельные тематические циклы, в разных аспектах отображающие судьбу эмигрантов и достигающие особой эпичной панорамности.

Лирическая проникновенность, эмоциональная насыщенность эмигрантских фольклорных произведений нередко сочетается с элементами повествовательности, фабульности. Все же эпичность здесь выступает прежде всего стилевой чертой, оттеняющей и подчеркивающей ведущую в этих произведениях лирическую стихию, она преимущественно не приобретает родовой определенности. Эмоциональная интенсивность, медитативная рефлексивность и эпическая возвышенность эмигрантских песен часто приобретают религиозную окраску.

С историзмом связана и такая черта эмигрантских песен, как их предельная жизненная достоверность и конкретика, проявлением которой предстают четкие социально-бытовые реалии, выразительные детали. В этом аспекте примечательны также диалектные особенности песенной речи, характерно довольно частое обращение к онимам, главным образом к топонимам. Историческая и социально-бытовая конкретика, документальность здесь преимущественно не противоречит художественности, является специфической чертой образной организации, согласуется с традиционными поэтическими средствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Бодянский О. М.* О народной поэзии славянских племен. М.: Тип. Н. Степанова, 1837. 154 с.
- 2 *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.
- 3 *Гінда О.* Поетична творчість української трудової спільноти в Італії початку ХХІ століття в контексті фольклорних традицій: монографія. Львів: Изд-во ЛНУ ім. Івана Франка, 2015. 546 с.
- 4 *Гнатюк В. М.* Пісенні новотвори в українсько-руській народній словесності // Вибрані статті про народну творчість. К.: Наукова думка, 1966. С. 78–95.
- 5 *Грица С.* Буд здорова, землице. Українські народні пісні про еміграцію. Нотне видання. К.: Музична Україна, 1991. 176 с.
- 6 *Грица С. Й.* Емігрантські пісні // Proridne.com. URL: <http://proridne.com/content/pisni/emigrantski/> (дата обращения: 05.11.2018).
- 7 *Грица С.* Фольклор у просторі і часі: вибрані статті. К.: Изд-во НАН України, Изд-во ІМФЕ ім. М. Т. Рильського; Тернопіль: Астон, 2000. 228 с.
- 8 *Кирчів Р. Ф.* Із фольклорних регіонів України. Нариси й статті. Львів: Изд-во ІН НАН України, 2002. 352 с.
- 9 *Колесса Ф. М.* Фольклористичні праці. К.: Наукова думка, 1970. 412 с.
- 10 *Козар Л.* Фольклорна основа історико-етнографічних праць Ф. Вовка про Задунайську Січ // Слов'янський світ. 2015. Вип. 14. С. 77–100.
- 11 *Лановик М., Лановик З.* Українська усна народна творчість. К.: Знання-Прес, 2001. 592 с.
- 12 *Луньо Є.* Емігрантські пісні // Українська фольклористика: словник-довідник. Тернопіль: Підручники і посібники, 2008. С. 93–94.
- 13 *Луцко О.* Мотиви й поетика українських народних пісень про еміграцію в Канаду // Народознавчі зошити. 2010. № 3–4. С. 438–448.
- 14 *Руснак І. Є.* Український фольклор. К.: ВЦ «Академія», 2010. 304 с.
- 15 *Пропп В. Я.* Принципы классификации фольклорных жанров // Советская этнография. 1964. № 4. С. 147–154.
- 16 *Чорнопиский М.* Синкретизм // Українська фольклористика: словник-довідник. Тернопіль: Підручники і посібники, 2008. С. 352–353.

© 2019. Olga M. Humeniuk
Simferopol, Crimea, Russia

GENRE AND STYLE SPECIFICS OF THE UKRAINIAN FOLK EMIGRANT SONG

Abstract: The emigrant song occupies a special place in the genre variety of Ukrainian folklore. Actively developing since the end of the 19th century until now, it continues in keeping up the traditions of the folk social and common lyrics of the previous ages and at the same time is open to dynamic realities of the contemporary time. As a relatively new phenomenon, emigrant song is less studied comparing with other forms of the song folklore. The article attempts to sum up appropriate observations of the previous researchers and to determine the genre-stylistic specific of the Ukrainian folk emigrant song. Popular emigrant song is, first of all, a peculiar form of the folklore social and everyday life lyric poetry, which is rather close to the historical song. It is based on the deep feelings of people, put, as the merciless fate willed, through the extreme life circumstances. The emotional intensity is the dominant within the style structure of emigrant song. Here epic as well as dramatic aspects (special plots, panoramas, conflict situations) play the vital role. The examples of the emigrant song lyrics can be often compiled into separate thematic cycles, reflecting in different aspects the troublesome vicissitudes of life those who had to leave homes and loved ones. The lyrical pathos, emotional intenseness, meditative reflectivity and epical sublimity of the emigrant songs often take on a religious overtone. An extreme, often naturalistically determined everyday life features, documentary feeling, characteristic of the emigrant song (for example, clear image details, abundance of toponyms, dialectic words and phrases) is blended in harmoniously with traditional poetic means, such as psychological parallelism, picturesque metaphoricity, pithy symbolism.

Keywords: Ukrainian folklore, emigrant song, poetics, genre and style specific.

Information about author: Olga M. Humeniuk — DSc in Philology, Professor, Crimean Engineering and Pedagogical University, Uchebnyi line 8, 295015 Simferopol, Crimea, Russia. E-mail: uakafedra@mail.ru

Received: November 05, 2019

Date of publication: September 28, 2019

For citation: Humeniuk O. M. Genre and Style Specifics of the Ukrainian Folk Emigrant Song. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 53, pp. 115–123. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Bodianskii O. M. *O narodnoi poezii slavianskikh plemen* [On folk poetry of Slavic tribes]. Moscow, Tipografiia N. Stepanova Publ., 1837. 154 p. (In Russian)
- 2 Veselovskii A. N. *Istoricheskaiia poetika* [Historical poetics]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1989. 406 p. (In Russian)
- 3 Ginda O. *Poetichna tvorchist' ukraïns'koï trudovoï spil'noti v Italiï pochatku XXI stolittia v konteksti fol'klornikh traditsii: monografiia* [Poetic creativity of the Ukrainian labor community in Italy in the beginning of the 21th century in the context of folklore traditions: monograph]. L'viv, Izdatel'stvo LNU im. Ivana Franka Publ., 2015. 546 p. (In Ukrainian)

- 4 Gnatiuk V. M. Pisenni novotvori v Ukraïns'ko-rus'kii narodnii slovesnosti [Song neoplasms in Ukrainian-Russian folk literature]. *Vibrantistatti pro narodnu tvorchist'* [Selected articles about folk art]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1966, pp. 78–95. (In Ukrainian)
- 5 Gritsa S. *Bud zdrava, zemlitse. Ukraïns'ki narodni pisni pro emigratsiiu. Notne vidannia* [Cheerio, dear land. Ukrainian folk songs about emigration. Musical edition]. Kiev, Muzichna Ukraïna Publ., 1991. 176 p. (In Ukrainian)
- 6 Gritsa S. I. Emigrants'ki pisni [Emigrant songs]. *Proridne.com*. Available at: <http://proridne.com/content/pisni/emigrants'ki/> (accessed 05 November 2018). (In Ukrainian)
- 7 Gritsa S. *Fol'klor u prostori i chasi: vibrantistatti* [Folklore in space and time: selected articles]. Kiev, Izdatel'stvo NAN Ukraïni Publ., Izdatel'stvo IMFE im. M. T. Ril's'kogo Publ.; Ternopil', Aston Publ., 2000. 228 p. (In Ukrainian)
- 8 Kirchiv R. F. *Iz fol'klornikh regioniv Ukraïni. Narisi i statti* [From folklore regions of Ukraine. Essays and articles]. L'viv, Izdatel'stvo IN NAN Ukraïni Publ., 2002. 352 p. (In Ukrainian)
- 9 Kolessa F. M. *Fol'kloristichni pratsi* [Folklore studies]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1970. 412 p. (In Ukrainian)
- 10 Kozar L. Fol'klorna osnova istoriko-etnografichnikh prats' F. Vovka pro Zadunais'ku Sich [Folklore basis of historical and ethnographic works by F. Wolf of the Danube Sich]. *Slov'ians'kii svit*, 2015, vol. 14, pp. 77–100. (In Ukrainian)
- 11 Lanovik M., Lanovik Z. *Ukraïns'ka usna narodna tvorchist'* [Ukrainian oral folk art]. Kiev, Znannia-Pres Publ., 2001. 592 p. (In Ukrainian)
- 12 Lun'o Ć. Emigrants'ki pisni [Emigrant songs]. *Ukraïns'ka fol'kloristika: slovnik-dovidnik* [Ukrainian folklore: reference book]. Ternopil', Pidruchniki i posibniki Publ., 2008, pp. 93–94. (In Ukrainian)
- 13 Lutsko O. Motivi i poetika Ukraïns'kikh narodnikh pisen' pro emigratsiiu v Kanadu [Tunes and poetics of Ukrainian folk songs about emigration to Canada]. *Narodoznavchi zoshiti*, 2010, no 3–4, pp. 438–448. (In Ukrainian)
- 14 Rusnak I. Ć. *Ukraïns'kii fol'klor* [Ukrainian folklore]. Kiev, VTs “Akademiia” Publ., 2010. 304 p. (In Ukrainian)
- 15 Propp V. Ia. Printsipy klassifikatsii fol'klornykh zhanrov [Principles of classification of folklore genres]. *Sovetskaia etnografiia*, 1964, no 4, pp. 147–154. (In Russian)
- 16 Chornopiskii M. Sinkretizm [Syncretism]. *Ukraïns'ka fol'kloristika: slovnik-dovidnik* [Ukrainian folklore: reference book]. Ternopil', Pidruchniki i posibniki Publ., 2008, pp. 352–353. (In Ukrainian)